

ОДИНОЧЕСТВО.

Майскій цвѣтокъ

Посаджаю цвѣтокъ, кто въ жизни
мало увидѣлъ, мало испыталъ, мало

Солнце сквозь спущенную сторону,
бросивъ золотистыхъ зайчиковъ на
коверь, заиграло искорками на метал-

лической рѣзбѣ нарядной кровати.
Мягко зашумѣли липы въ саду,
громко зачирикали воробьи, заворко-

вали голуби подъ окномъ и разбудили
Наташу.

Пьяная русалка—зеленая весна
навѣяла грезы о вчерашнемъ днѣ, ра-

достномъ, веселомъ.
Вставать не хотѣлось.

Наташа лѣниво потянулась, закры-
ла глаза и стала мечтать о сегодняш-

немъ праздникѣ.
— Какъ красиво звучитъ: „Празд-

никъ бѣлаго цвѣтка“.... и она сегодня
вся въ бѣломъ, будетъ продавать цвѣ-

ты, она тоже принесетъ хоть малень-

кую, крошечную частичку пользы, от-
дастъ капельку труда общему дѣлу.

ла окно. Каскады яркаго дневнаго
свѣта ворвались въ комнату, весенняя
оттепель закружила голову ароматомъ
цвѣтовъ и дыханіемъ деревьевъ..

— Можно... Войдите. Застычиво
поклонившись, въ комнату вошла дѣ-

вушка въ темномъ платьѣ. Огромные
черные глаза рѣзко отбѣлились на

блѣдномъ, измученномъ лицѣ... За-
острившійся тонкій носъ и нѣжно-алый
румянецъ впаляхъ щекъ ясно го-

ворили:
Послѣдняя весна.

Стали примѣрять платье...
Въ большомъ трюмо отразилась

стройная фигура Наташи и скрести-
лись два взгляда:
Жизнерадостный, самолюбивый—

барышня, грустный, тоскливый—
швея.

Наташѣ стало не по себѣ, что-то
больно укололо ее, она вдругъ сдѣ-

лалась нервной, раздражительной.
Швея скромно опустила глаза, ста-

раясь не замѣтить, усердно прикалы-
вала недоконченныя складки...
— Развѣ вы не видите, что склад-

И не желаю видѣть васъ больше!..
Она торопливо забѣгала по комна-

тѣ, потомъ вынула изъ изящной шка-
тулки деньги, небрежно бросила ихъ
на коверъ.

Швея удивленно посмотрѣла на ба-
рышню, робко подобрала деньги и
также тихо вышла, какъ незадолго

передъ этимъ вошла въ комнату.
Лицо ея загорѣлось густымъ ру-

мянцемъ, черные глаза загуманились...
Наташа поняла все, и минутный

гнѣвъ смѣнился грустью.
Улетѣли недавнія радужныя мечты,

откуда-то вмѣсто ихъ потянулись не-
вѣдомыя тяжелыя мысли, полныя го-

речи и обиды.
Думала...

— Зачѣмъ все эта такъ случилось,
въ такой день...

Глаза швеи ясно встали передъ ней,
печальные, тоскующіе... не то упрекъ,

не то презрѣніе мелькнуло въ нихъ.
Она готова была вернуть и расцѣ-

ловать полубольную скорбную дѣвуш-

ку, просить прощенія за свою грубость
и жестокость.
Но вмѣстѣ съ тѣмъ зарождалось
другое чувство, чувство самооправда-

Наташа совершенно потеряла само-
обладаніе.

— Вы... вы еще смѣете возражать
мнѣ!

— Какое право имѣетъ какая-то
грубая, невоспитанная модистка, быть

можетъ, бывшая горничная, такъ отно-

ситься къ ней, дочери богатаго fabri-

канта-милліонера, у котораго тысячи
работниковъ и работницъ день и ночь
стоятъ, прикованные къ станкамъ, ко-

горыхъ въ любую минуту можно вышвырнуть на улицу, и они будутъ корчиться отъ голода.

Наташа постаралась больше не думать о случившемся.

Черезъ часъ отъ подъезда мягко отъѣхалъ автомобиль; въ немъ лежали цѣлыми грудами бѣлые цвѣты, а среди нихъ мраморной статуей выдѣлялась бѣлая, сіяющая, какъ снѣгурка среди намотаннаго сугроба, Наташа...

Ни ласковыя улыбки солища, ни рѣчи красиваго жениха не могли вернуть Наташѣ веселаго настроенія...

Она грустно смотрѣла въ даль, временами переводя свой взоръ на цвѣты.

Сгибаясь дугой на своихъ стѣбелкахъ, точно лебединныхъ шеяхъ, укоризненно покачивая бѣлыми головками, они тянулись къ ней, шептали что-то жуткое, невѣдомое, но бодрое, красивое, и снова вернулась утерянная радость, жажда жизни и счастья.

Кипить бѣлымъ ключемъ праздникъ цвѣтовъ, бурлить жизнь, шумить и волнуется городъ.

Всюду цвѣты, цвѣты и цвѣты, точно снѣжинки, цестрѣютъ въ петлицахъ у мужчинъ, прячутся на груди у женщинъ, цѣлуютъ косы дѣвушекъ, устилаютъ вѣжными, блѣдными лепестками грязныя улицы, панели и тротуары.

Шумъ экипажей, выкрики продавщицъ, свистки автомобилей, смѣхъ, тысячеустый говоръ толпы слились въ одинъ потокъ, перевелись, переплелись съ цвѣтами въ сплошную серебряную ленту звуковъ, красокъ, настроеній.

Точно въ заколдованномъ царствѣ, точно въ сказкѣ....

Тянутся руки, привѣтливо улыбаются лица, старыя и молодыя, всѣмъ хочется имѣть цвѣтокъ, вдохнуть ароматъ полей, приобщиться къ общей радости, уйти дальше отъ сѣрыхъ, неряшливыхъ будней, гдѣ нѣтъ цвѣтовъ...

Вся отдавшаяся работѣ Наташа, среди площади, съ автомобиля, продавала цвѣты.

Она едва успѣвала удовлетворять желающихъ.

Кругомъ стояла толпа, шумная, цестрая, праздничная. Тѣ, кто получилъ цвѣты, не отходили, смотрѣли, ждали новой очереди...

Наташа уже устала, а руки тянулись десятками, сотнями, подходили со всѣхъ сторонъ и просили.

— Миѣ, миѣ, дайте сюда!—неслось кругомъ. Было неизвѣстно, что больше привлекало толпу—цвѣты, или бѣлая, красивая дѣвушка, сіяющая счастьемъ, или золотой солнечный день.

— Эй, осади назадъ!—грубо кричали полицейскіе.

Никто не слушалъ. Все шли, упираясь подходили, толкались, прижимались другъ къ другу, образуя тѣсно спаянное кольцо вокругъ автомобиля.

— Еще цвѣтовъ! И намъ, и намъ цвѣтовъ!..

Наташѣ казалось, что она королева, а кругомъ рыцари и народъ ждуть ея улыбки и готовы биться до смерти за брошенный ею цвѣтокъ.

Стало глубоко, свѣтло и чисто. Наташа бросила послѣдній цвѣтокъ и что-то шепнула жениху.

Автомобиль зашипѣлъ, задрожалъ. Толпа почтительно разступилась и, какъ только отъѣхали нѣсколько саженей, слеза грянула ура...

Наташа улыбнулась и устало опустилась на мягкое сидѣніе.

— Куда прикажете, домой?—спросилъ, обернувшись, шофферъ.

Рѣшили ѣхать за городъ, на фабрику, гдѣ всѣмъ участникамъ былъ сервированъ завтракъ.

Промелькнулъ городъ, дохнуло запахомъ зеленого поля, свѣжестью рѣки.

Ласково смѣялось солнце, какъ смѣются дѣти, мягко покачивалъ автомобиль, шелестѣлъ ветрѣчный вѣтеръ, знойно дышала земля. Наташа прижалась близко къ плечу жениха и прерывисто дышала, напоенная солнцемъ, цвѣтами и лаской.

Говорить не хотѣлось.

Въ мозгу назойливо билась, точно подстрѣленная птица, одинокая мысль:

— Какъ хороша жизнь!

Она задумчиво вглядывалась въ даль, гдѣ, будто затерянная кѣмъ-то огромная черная нитка, вилась дорога.

Плавню катился автомобиль, бросая по сторонамъ клубы пыли.

Въ окна смотрѣлъ загадочно тотъ часъ, когда уже умеръ день, нѣтъ дня и не пришла еще ночь.

На западѣ ярко догорало солнце, по небу бродили лиловыя сырыя облака, безъ формъ, безъ очертаній, потерявшія воздушный путь.

Рѣка казалась расплавленнымъ, но уже остывшимъ свинцомъ, мутная на видъ, полноводная, глубокая. Изъ за раскаленныхъ, далекихъ прибрежныхъ горъ невидимкою подкрадывался вечеръ, широкими черными тѣнями снугивая послѣднія краски дня, пробираясь сквозь лѣсъ, заползая въ овраги, въ темныя углы, заглядывая въ лоно рѣки.

На фабрикѣ гремѣла музыка, слышался звонъ посуды.....

Въ саду управляющаго зажгли разноцвѣтные фонарики, которые красными, синими, зелеными точками смотрѣли въ сумракъ аллей.

Отъ шампанскаго у Наташи кружилась голова.

Она незамѣтно, украдкой, спустилась въ садъ и пошла къ рѣкѣ: ей хотѣлось побыть одной, пережить снова радость дня...

Съ рѣки потянулъ легкій, упругій вѣтеръ.

Съ берега, тамъ, гдѣ черной стѣной стоялъ лѣсъ, отдавало сыростью. Наташа нашла любимую скамью и тихо опусталась на нее, отдавшись вся во власть думъ, зачарованная ими и обаяніемъ засыпавшей природы.

— А гдѣ та?—вспомнила она швею и стала думать о ней.

— Я обидѣла эту, можетъ быть, несчастную дѣвушку, и теперь она гдѣнибудь въ сырой каморкѣ плачетъ или дошиваетъ нарядное платье такой-же счастливой, какъ я. Принесетъ, и ей снѣва, какъ голодной собакѣ бросаютъ кость, бросятъ на полъ деньги; она возьметъ ихъ, нагнется, встанетъ на колѣни, соберетъ дрожащими блѣдными руками и уйдетъ, унесетъ съ собой затаенную обиду.

Опять въ глубинѣ сердца зашевелилось, затрещетало что-то большое сильное, властное, охватило горячей волной мысли и бросилось въ голову...

Въ лѣсу заухалъ филинъ. Она вздрогнула и посмотрѣла пристально зорко въ темноту.

Гдѣ-то горѣли костры и разговари-

вали люди, и Наташу вдругъ потянуло туда, за рѣку, на широкій просторъ полей.

Встала и пошла...

Когда пробиралась по плотинѣ, раздѣлявшей рѣку на двѣ части, было жутко, припоминались рассказы о русалкахъ, водяныхъ...

Разговаривали близко—зотъ гдѣ-то здѣсь, рядомъ.

Мелькнула мысль повернуть обратно; другая толкнула впередъ.

На широкой полянѣ, гдѣ еще торчали пни отъ недавно вырубленныхъ березъ, горѣло нѣсколько яркихъ костровъ. Вокругъ нихъ въ самыхъ живописныхъ позахъ сидѣли, лежали и стояли люди.

Среди нихъ Наташа узнала много рабочихъ съ фабрики ея отца.

Прислонившись къ дереву, размахивая руками стоялъ, сѣдобородый старикъ и громко говорилъ, отчеканивая каждое слово:

— ... Это ихній праздникъ, потому они его сами выдумали.

Мы умираемъ отъ этой чахотки, а они празднуютъ за нашъ счетъ. Дочка-то нашего сегодня въ городѣ на автомобилѣ раскатывалась, тоже продавала цвѣты. Одно платье ейное продать, такъ намъ на цѣльный мѣсяцъ панамы можно жить.

Кто ихъ кормить, кто? Мы.

Кто ихъ одѣваетъ? Мы! все мы... А они-же насъ благодѣтельствуютъ, потому нашъ братъ еще мало разумѣетъ.

Они во дворцахъ да палатахъ живутъ, а мы задыхаемся въ подвалахъ, глотаемъ пыль, умираемъ отъ чахотки.

Наташа не дослушала конца рѣчи.

Сердце сильно билось: ей было стыдно за себя, за свою недавнюю радость, за всю свою жизнь.

Потихоньку побрела на фабрику, гдѣ гремѣла музыка, горѣли разноцвѣтные фонарики, веселились гости.

Лепестокъ за лепесткомъ вырывала она изъ бѣлаго букета и устилала ими пройденный путь; потомъ съ садовой клумбы сорвала гвоздику и прицѣпила къ корсажу.

Каплей крови обрисовался цвѣтокъ на бѣломъ фонѣ платья, напоминая жгучую рѣчь старика рабочаго среди яркихъ костровъ.

Н. Каруцкѣ.

Камыши.

*Надъ уснувшей рѣкой
Чутко дремлютъ они,—
Надъ туманной водой
Въ синеватой дали.*

*Темной, жуткой стѣной,
Притаившись во тьмѣ,
Надъ уснувшей рѣкой
Только бодры они.*

*Шелестятъ и манятъ
Въ лоно шемной рѣки
И зовутъ, говорятъ
Камыши — тростинки.*

И межъ ними въ ночной
Мрачно жуткой тиши
Пляшетъ дѣдъ водяной
Подъ журчанье волны.

Вкругъ—русалокъ цвѣтной
Заколдованный рядъ,
И надъ сонной рѣчкой
Голоса ихъ звенятъ.

И всю ночь напролетъ
Поѣтъ журчанье волны
Пляшетъ рядъ хороводъ
Въ блескъ яркой луны.

Надъ уснувшей рѣчкой
Въ синеватой дали,
Надъ туманной водой
Только бодры они.

И зовутъ и манятъ
Въ лоно темной рѣчки:
Разсказать все хотятъ
Камыши-тростники.

„Урь-Ли“.

Маленькій фельетонъ.

Весна.

Меня призвалъ редакторъ и строго
сказалъ:

— Какъ же это вы, батенька, за-
нимаете ампула нашего постоянного
поэта, а не написали по случаю весны
ни одной строчки?

-- Холодно—отвѣчалъ я сконфу-
женно,—не вдохновляетъ что-то ваша
весна.

— Нѣтъ, знаете, у насъ ужъ такія
традиціи.

Пришла весна,—въ одномъ изъ май-
скихъ номеровъ стихотвореньице. Вотъ
вы просили авансикъ. Напишите стиш-
ки,—дамъ.

Дѣлать было нечего. Пришлось за-
сѣсть за стихи.

Промучившись изрядно, я наконецъ
смастерилъ четверостишіе:

Водопадъ Иматра.

„Весна! Выставляется первая
рама“
Уже появилась трава;
На рѣчкѣ Томи совершилась ужъ
драма;
Ужъ отпускъ беретъ голова.

Тутъ я остановился и пошелъ къ
редактору показать свое произведение.
Удовлетворяетъ ли оно традиціямъ?

Но редакторъ только рукой зама-
халъ.

— Что вы, батенька? Въ весеннемъ-
то стихотвореніи кладете пилюлю го-
ловъ! Этого не полагается! Вы бы
что-нибудь насчетъ любви, что-ли—по-
совѣтовалъ онъ.

Черезъ полчаса я снова шелъ къ
редактору—съ листкомъ бумаги, на
которомъ было написано.

Весна наступаетъ! Влюбленные
пары

У каждой калитки стоятъ;
Грызутъ „сѣмена“ и ведутъ та-
ры-бары,

Скорлупками страшно сорять.
Редактору и это не понравилось.

— Какая-то проза въ стихахъ—
сказалъ онъ.—Никакого символизма.
Развѣ нынче такъ пишутъ? Посмотри-
те-ка на современныхъ поэтовъ!

Тутъ я сообразилъ, что нужно ре-
дактору.

Достаточно было пяти минутъ, что-
бы я состряпалъ стихотвореніе въ
современномъ вкусѣ.

Вотъ оно:

Весна и небесъ синева,
Мордва—это два.
Весною молчи,
Лежи на печи!
Смотри на верхи,
Простятся грѣхи.

Редакторъ былъ въ восторгѣ и без-
прекословно согласился выдать авансъ.

Ө. Колесникъ.

Стихотвореніе въ прозѣ.

Хмурится небо, плачетъ сѣверный
вѣтеръ, море глухо рокочетъ, бьются
волны съ тоскою о скалы и разбив-
шись, снова и снова мчатся въ без-
брежномъ просторѣ одна за другою.

А кругомъ тишина и угрюмая мгла
надвигающейся ночи.

Съ жалобнымъ крикомъ носится
чайка надъ сѣдыми гребнями волнъ,
дерзкими усиліемъ своихъ бѣлоснѣж-
ныхъ надломленныхъ крыльевъ къ
выси стремится она, къ бѣлоснѣжнымъ
вершинамъ. Но тщетны усилія безум-
ной; бьется она лишь о голая скалы
и съ грудью разбитою падаетъ въ
море.

Хмурится небо, суровѣй могучія
скалы и сумракъ сгустившейся ночи,
плачетъ сѣверный вѣтеръ, море глухо
рокочетъ, бьются волны съ тоскою
о скалы и чуть слышно, какъ будто-
бы шепчутъ,—слава всѣмъ, кто безу-
мнымъ быть хочетъ.

Разныя извѣстія.

Экзаменаторъ.

Въ государственной испытательной комиссіи въ юридическомъ факультетѣ московскаго университета на экзаменѣ по уголовному праву разыгрался недавно любопытный инцидентъ.

Одинъ изъ экзаменаторовъ, молодой человекъ г. З., только что оставленный при университетѣ по кафедрѣ уголовного права, экзаменовалъ лицо, окончившее заграничный университетъ и державшее государственный экзаменъ на правахъ экстерна.

— Я не могу вамъ поставить „весьма“, заявилъ экзаменаторъ, — поставлю „удовлетворительно“.

Экзаменуемый молча протянулъ книжку, въ которую записываются баллы.

— Все бы ничего, — продолжалъ экзаменаторъ, выставляя отмѣтку, — поставилъ-бы и „весьма“, да вы плохо знаете общую часть.

— О, ничего, профессоръ, я доволенъ и этой отмѣткой. Вотъ, только позвольте поднести вамъ мою книгу... Берлинскіе профессора очень одобрили...

И, оставивъ на столѣ свою книгу о принципахъ уголовного права, экзаменовавшийся, оказавшійся докторомъ правъ берлинскаго университета, быстро удалился.

Экзаменаторъ былъ очень сконфузень.

Говорятъ, что у себя, въ общемъ спискѣ, онъ къ „удовлетворительно“ прибавилъ: „весьма“... (Р. У.)

Гибель авіатора Смиса.

Первый день второй международной недѣли авіации въ Петербургѣ сопровождался катастрофой. Погибъ молодой авіаторъ Смиль, летавшій на бипланѣ Соммера.

Въ первый день разыгрывались призы на продолжительность и высоту полета. Въ нихъ принимали участіе Ефимовъ, Васильевъ, Лебедевъ и Смиль.

Публика, собравшаяся, благодаря солнечному теплему дню, въ громадномъ количествѣ, съ замираніемъ сердца слѣдила за смѣлымъ пареніемъ

авіаторовъ, производившихъ эволюціи на высотѣ до 600—900 метровъ. Авіаторы Васильевъ и Ефимовъ, изъ которыхъ первый достигъ высоты до 900 метровъ и второй — до 600 метровъ, въ 7½ час. вечера благополучно спустились. Продолжалъ полетъ одинъ Смиль. Онъ долгое время леталъ на высотѣ до 800 метровъ и затѣмъ постепенно началъ опускаться. Въ послѣдній разъ авіаторъ пролетѣлъ мимо трибунъ на высотѣ до 100 метровъ.

Вдругъ публика съ ужасомъ замѣтила, что бипланъ Смиса начало бросать въ разныя стороны. Моментъ — и бипланъ сталъ совершенно въ вертикальномъ положеніи и со страшной быстротой началъ падать. Къ мѣсту паданія бросились комиссары и представители аэроклуба. Авіатора не было видно. Онъ былъ скрытъ подъ обломками аппарата. Разобравъ послѣдній, прибывшіе съ ужасомъ увидѣли, что несчастный Смиль лежитъ ничкомъ, вѣзавшись въ землю. Авіатора придавили моторъ и бакъ изъ-подъ бензина. Когда несчастнаго извлекли изъ-подъ облаковъ, онъ еще дышалъ. Всѣ усилія врача спасти ему жизнь оказались тщетными. Черезъ нѣсколько минутъ не приходя въ сознаніе, онъ скончался.

На присутствующихъ гибель Смиса произвела потрясающее впечатлѣніе. Многія дамы упали въ обморокъ. Дальнѣйшіе полеты были прекращены. Въ знакъ траура на главной мачтѣ былъ спущенъ флагъ аэроклуба. Тѣло погибшаго въ каретѣ скорой помощи перевезено въ клинической госпиталь военно-медицинской академіи.

Осмотръ выяснилъ, что несчастный получилъ сотрясеніе мозга.

Въ толпѣ находилась жена покойнаго, съ которой онъ обвѣнчался всего лишь недѣлю назадъ. Молодая женщина была свидѣтельницей ужасной гибели своего мужа. Горе ея не поддается описанію. При видѣ трупъ своего мужа она лишилась сознанія, а потомъ ее съ трудомъ удалось оторвать отъ увозившей тѣло мужа кареты.

Новости науки.

Морской дирижабль.

Англійское адмиралтейство построило первый дирижабль для морской развѣдывательной службы. Онъ уже готовъ для испытанія и ждетъ только благоприятной погоды.

Вотъ нѣкоторыя данныя о немъ. Н. М. Naval Airship № 1 (официальное имя этого морского развѣдчика) имѣетъ въ длину 170 метровъ, максимальный діаметръ 11 м., объемъ 706.300 куб. фут., подъемную силу 21 тонну, два восьмицилиндровые мотора Уэльслей по 200 силъ, скорость движенія — 45 узловъ (85 километровъ) въ часъ. Дирижабль предназначается исключительно для дѣйствій на морѣ, — для наблюденія за операціями непріятельскаго флота. Будущее покажетъ, насколько такой типъ развѣдчика предпочтительнѣе, нежели аэропланъ. Но, повидимому, само адмиралтейство не возлагаетъ на него большихъ надеждъ, потому что, одновременно, продолжаетъ увеличивать число обыкновенныхъ развѣдывательныхъ судовъ — такъ называемыхъ scouts.

Расчитываютъ, что если погода позволитъ, то новый воздушный корабль приметъ участіе въ коронаціонныхъ морскихъ маневрахъ 11 (24) іюня.

Излѣченіе діабета.

На телеграфный запросъ корреспондента „Р. С.“ въ Будапештѣ профессору Кетли о новомъ средствѣ противъ сахарной болѣзни (діабета), о примѣненіи котораго сообщалось въ одномъ изъ номеровъ „Русскаго Слова“, полученъ по телеграфу слѣдующій отвѣтъ.

„Средствомъ Менихерга можетъ быть восстановлено и сохранено физіологическое равновѣсіе въ организмѣ. Подробныя изслѣзанія будутъ сдѣланы въ медицинскіхъ журналахъ въ ближайшемъ будущемъ. Подъ физіологическимъ равновѣсіемъ разумѣть полное исчезновеніе сахара изъ выдѣленій“.

Смѣсь.

Оживленіе убитыхъ электричествомъ.

Большой интересъ въ послѣднемъ издалѣ фабричныхъ врачей въ Москвѣ представляетъ докладъ Ф. А. Андреева:

„Къ вопросу о моржеваніяхъ электрическимъ токомъ (на основаніи экспериментальныхъ данныхъ)“. Ф. А. Андреевъ, на основаніи многочисленныхъ опытовъ надъ животными, пришелъ къ заключенію, что смерть отъ электрическихъ токовъ вызывается не вслѣдствіе пораженія мозга, а вслѣдствіе парвичной остановки дѣятельности сердца и только въ исключительныхъ случаяхъ — расстройства дыхательныхъ функций. Въ Парижѣ черезъ мозгъ одного триговореннаго къ смертной казни пропущенъ былъ очень сильный электрический токъ, сжегшій часть темянной кости, и, однако, человекъ этотъ остался живъ. Во всѣхъ-же случаяхъ, когда электрический токъ проходитъ черезъ сердце, смерть наступаетъ моментально, и возстановить дѣятельность сердца въ этихъ случаяхъ до сихъ поръ не могли. Послѣ долгихъ и многочисленныхъ опытовъ докладчикъ, однако, нашелъ средство воскрешать животныхъ, убитыхъ электричествомъ. Сдѣлать это возможно путемъ впрыскиванія въ вену раствора хлористаго калия. Тотчасъ же послѣ впрыскиванія дѣятельность сердца возстанавливается. Это открытіе въ виду широкаго примѣненія электрической энергии по всей Россіи и въ особенности по главнымъ городамъ ея и все болѣе и болѣе учащающихся смертныхъ случаевъ отъ электричества представляетъ громадную важность.

М. П. Марковъ II. Валяй колодцы прямо въ залъ!

Марковъ II. Валяй колодцы прямо въ залъ!